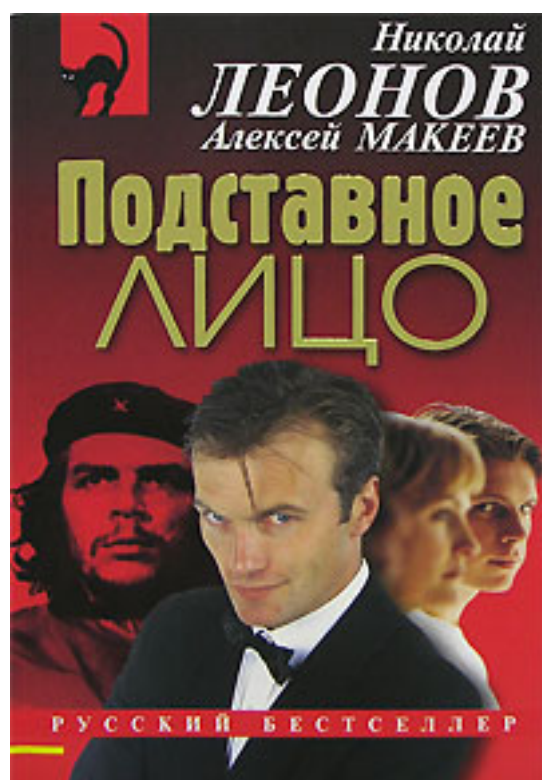

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Подставное лицо
Серия «Полковник Гуров»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162715
Подставное лицо: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-25160-5

Аннотация

Крупный предприниматель, сопредседатель партии «Правое дело» Герман Ришутин был убит киллером у подъезда своего дома. Отличный семьянин, удачливый бизнесмен, честный политик – кому он мог помешать? Полковник МУРа Лев Гуров, расследующий громкое убийство, считает, что у таких харизматических личностей всегда есть враги. Хотя, похоже, завистники и конкуренты здесь ни при чем. Сыщику удалось выяснить, что Ришутин был связан с некоей террористической организацией. И что самое невероятное – убитый бизнесмен об этом даже не знал...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Леонов, Алексей Макеев

Подставное лицо

Глава 1

На эту женщину Гуров обратил внимание сразу, как только ступил на тротуар напротив своей девятиэтажки. Даже в вечерних сумерках было заметно, что во всем облике незнакомки, в каждом движении безвольно болтающихся рук, в неровной, размагниченной походке таится какая-то внутренняя, неведомая окружающим боль. На вид женщине было лет тридцать пять, хотя могло быть и больше. Светло-серый костюм сидел на незнакомке как влитой и, скорее всего, был сшит на заказ в каком-то престижном ателье. Когда Гуров поравнялся с женщиной и собрался ее обогнать, чтобы свернуть к дорожке, ведущей к подъезду, незнакомка внезапно покачнулась и, выронив из рук сумочку, стала медленно оседать на асфальт. Мгновенно среагировав, Гуров подхватил женщину на руки и тут же почувствовал, как что-то острое вонзилось в бедро. Его тело мгновенно обмякло, окружающий мир словно отгородила плотная, темная завеса. Но Гуров видел, как к нему быстро подбежали двое верзил и вместе с женщиной, у которой от недавнего «обморока» не осталось и следа, затолкали его в подрулившую к ним большую черную машину.

Потом они куда-то долго ехали, без конца сворачивая то в одну, то в другую сторону. Гуров сидел на заднем сиденье, зажатый с обеих сторон тушами хмурых верзил, и чувствовал накатывающую волну тошноты. Страх он не испытывал, хотя понимал, что едет в одной машине вовсе не со скаутами-альтруистами или некими «добрыми самаритянами». Женщина, отдавая водителю короткие команды, время от времени оглядывалась назад. Вероятно, она опасалась погони. Через серую пелену, застилавшую глаза, Гуров видел ее лицо, еле различимое в подсветке приборной панели, он знал, что где-то уже видел эту женщину. Но где? Никак не мог вспомнить. Его цепкая, безотказная память превратилась в сплошной хаос, в котором кружились отдельные обрывки лиц, имен, дат, адресов, номеров телефонов.

Внезапно машина остановилась. Гурова бесцеремонно вытащили из кабины и, придерживая под руки, повели по какому-то ухоженному мини-парку со скульптурами, фонтанами, крохотными водопадами в традиционном «японском саду камней». Он уже почти пришел в себя, но руки и ноги его все еще плохо слушались. Верзилы ввели Гурова в роскошный вестибюль чьей-то виллы. Затем он оказался в не менее роскошной гостиной с мраморным камином напротив входа. Усадив Гурова в кресло, «быки» пристегнули его наручниками к подлокотникам. Один из парней подошел к выключателю у входа, и приглушенный свет большой хрустальной люстры стал ярким, даже ослепительным. Женщина, которая столь коварно поступила с Гуровым, парализовав его уколom какого-то препарата, тоже вошла в гостиную и, усевшись в кресло у камина, неспешно закурила.

Прошло около минуты. Гуров уже полностью овладел собой, но, понимая, что в его интересах сейчас этого не показывать, сидел, расслабленно прислонясь к спинке кресла и уронив голову на плечо. Где-то за дверью раздались шаги, и в гостиную вошел широко улыбающийся рослый тип с лохматой шевелюрой и дымящейся сигарой в зубах. Хозяин виллы плюхнулся в кресло напротив и некоторое время разглядывал Гурова в упор, а затем, ехидно подмигнув, злорадно поинтересовался:

– Ну вот, Лев Гуров, мы с тобой и увиделись. Не ожидал?

Гуров смотрел на сытую, самодовольную физиономию и не мог поверить своим глазам – перед ним был не кто иной, как крупный столичный криминальный авторитет Молох, по паспорту – Аркадий Малахин. Но Гуров совершенно точно знал, что во время последней

отсидки на зоне, куда тот отправился прежде всего благодаря тому, что именно он, Гуров, раскрыл организованные Малахиным каналы поставки кокаина в столичный регион, он был убит сокамерниками по заказу одного из конкурентов по криминальному «бизнесу».

– Малахин... – изобразив сонливость и заторможенность, вяло констатировал Гуров. – Понятно. А кто же вместо тебя умер?

– Мой брат-близнец, – зло усмехнулся Молох. – Мы с ним похожи как две капли воды. А ты, я смотрю, совсем раскис. Эла, – обратился он к женщине, – молодец, сработала как по нотам. Только, похоже, с препаратом перебрала. Видишь – никак не очухается. А мне хотелось бы видеть его бодреньким, любящим жизнь и очень сожалеющим, что с ней ему сейчас придется расстаться.

– Доза обычная. – Эла равнодушно пожала плечами. – Возможно, у него повышенная чувствительность. Впрочем, какая разница, бодренького убивать или полусонного? Ты же приказал его сюда доставить не для того, чтобы перекинуться в покер?

– Разница есть. – Молох изобразил на лице многозначительность. – Я хочу увидеть его страх, я хочу прочесть в его глазах мольбу о пощаде. Он ведь в своей ментовке считается неустрашимым. Сейчас посмотрим, каким он будет в свой последний миг... Конечно, я мог бы просто приказать ребятам связать его покрепче и кинуть в камин. Его агония затянулась бы до бесконечности. Но я ему кое-чем обязан. Когда-то он мог убить меня во время задержания. Помнишь, Гуров? Я выстрелил почти в упор, но пуля тебя миновала. Тут же выстрелил и ты, попав мне в ногу. Хотя мог всадить пулю в сердце на полном законном основании. Поэтому, Гуров, я тебя убью милосердно, не мучая. Я просто вгоню пику в твое сердчишко, и твой ментовский путь на этом завершится. Молись, даю минуту.

Молох не спеша достал из-за спинки кресла старинный кавказский кинжал в богато украшенных ножнах. Обнажив клинок, бандит какое-то время любовался блеском стали, потом медленно подошел к креслу, в котором сидел Гуров и, ухмыльнувшись, широко размахнулся.

Гуров, до того мгновения сидевший все в той же безвольно-апатичной позе, внезапно, словно подброшенный пружиной, круто развернулся вправо и с резким выкриком выбросил вверх левую ногу. Слушая философствования Молоха, он примерно догадывался, что именно тот ему уготовил. Поэтому решил сразу покончить с Молохом, нанеся тому нокаутирующий, смертельный удар под сердце. А потом... А потом – будь что будет. И вот этот миг настал. В долю секунды описав в воздухе дугу, подошва ботинка с сокрушительной силой впечаталась в левый подгрудок бандита. Но, к крайнему изумлению Гурова, его нога вместо рыхлой, раскормленной туши ощутила пустоту, словно он ударил не по человеческому торсу, а по какой-то занавеске.

Открыв глаза, Гуров с удивлением увидел, что сидит на своей постели, весь взмокший. Молох, его вилла и все прочее куда-то бесследно исчезло, Гурова окружал полумрак спальни, чуть разбавленный жиденьким светом ночника. На полу в ногах валялось сброшенное одеяло.

– Ф-фу-у-у! Ч-черт побери! Приснится же такое! – Гуров утер ладонью мокрый лоб. – Прямо как наяву. Хорошо, Марии нет дома, а то напугал бы ее до смерти. Поди заорал во всю глотку. И с чего бы мне этот бандит привиделся?

Окончательно придя в себя, Гуров подошел к холодильнику и, выпив прохладного фруктового соку, снова лег в постель. Теперь увиденное во сне казалось немного смешной нелепицей. Никакого близнеца у Молоха отродясь не было. Не было в живых и его самого. А приснившаяся вилла принадлежала другому крупному криминальному дельцу, наркобарону Хворому. Тот отсиживал назначенные ему восемь лет и на свободе мог появиться еще не скоро.

«Вот работа! – вновь погружаясь в теплую бездну сна, успел подумать Гуров. – Ни наяву от нее не избавиться, ни во сне».

Проснувшись под настойчивую трель будильника, Гуров некоторое время лежал в постели, пытаясь припомнить увиденное под утро. Но в памяти почему-то мелькала лишь какая-то маловразумительная мешанина из смутных образов, картин, движений...

За скромным спартанским завтраком (Гуров готовить умел, и временами неплохо, но очень не любил, тем более когда оставался один и оценить его кулинарные таланты было некому) он обдумывал перипетии предстоящего дня. Вчера без особых затруднений Гуров отпихнулся от малозначащего, ординарного дела, которое можно было раскрыть, не выходя из кабинета. Петр, выдав серию огорченно-разочарованных вздохов, в конце концов был вынужден согласиться и поручить расследование майору Свиридову. Тот после полдня ходил с кислым видом, демонстрируя Гурову, сколь сильно он уязвлен подобным к себе отношением. «О, как я низко пал!» – со скорбью безмолвно вещал его печальный взор.

* * *

Когда, несолидно перепрыгивая сразу через несколько ступенек, Гуров спустился вниз, в его кармане неожиданно запиликал телефон. Звонила Мария.

– Буэнос диас, Гуров! – Ее голос звучал бодро, хотя где-то там, на заднем плане, чувствовалась некоторая усталость. – Как поживаем? Ты, наверное, только проснулся? Сколько сейчас в Москве?

– Здравствуй! Здравствуй, счастье мое! – на лице Гурова заиграла улыбка. – В данный момент я спускаюсь по лестнице, направляясь в свою любимую контору. А на часах сейчас пять минут восьмого. А у вас, в Аргентине, я так понял, вечер? Как гастроли?

– Феноменально! – Мария задорно рассмеялась. – Тут о русской классике знают не больше, чем наши школьники об аргентинской. Так что успех превзошел все ожидания. Нас сегодня пригласили на какой-то прием. Мы только что отыграли, а уже через час надо ехать. Эх, мне так хочется выспаться!.. А у тебя как дела?

– Ловим, – кратко отрапортовал Гуров. – Ну и, понятное дело, по тебе скучаю. Надеюсь очень скоро тебя увидеть.

– Я тоже. – Голос Марии вдруг как бы повлажнел, в нем зазвучали какие-то глубинные, задушевные нотки. – Тоже так соскучилась...

– Лев Иванович! – неожиданно кто-то окликнул Гурова. Он оглянулся и увидел ярую поклонницу таланта Марии Строевой, худощавую, долговязую старшеклассницу Нину с девятого этажа. – Вы сейчас говорите с Марией Леонидовной? Если вас не затруднит, передайте ей от меня большой-большой привет и самые наилучшие пожелания. Я ее вчера по телевизору в новостях видела – такой успех! Фантастика!

– Ну вот, тут еще есть жаждущие тебя дожидаться и увидеть на родной московской сцене, – глядя вслед девушке, сообщил Гуров. – Привет тебе огромный и все такое прочее. Это Нина... Да, та самая. Так что ждем, ждем и еще раз ждем. Счастливо!

Садясь в кабину своего «Пежо», Гуров чувствовал, как что-то радужное и теплое растет и ширится в его груди. С Марией они перезванивались нечасто. В основном ему звонила она. Гуров не рисковал набирать ее номер, поскольку опасался, что звонок застанет ее либо во время сна, а ему не хотелось лишать Машу отдыха, либо во время репетиции. Отчасти по этим же причинам слишком часто не рисковала его беспокоить и Мария.

«Пежо» медленно полз в длиннющей веренице автомобилей самых разных размеров, форм и расцветок. Где-то впереди, судя по всему, «поцеловались» два лихача, и теперь часа на полтора затор был обеспечен. Утро выдалось безветренное, и поэтому гарь выхлопных газов сизоватым облаком окутывала всю транспортную развязку. Чувствуя, что уже начинает

щекотать в горле, Гуров плотно закрыл все окна кабины. Так, по крайней мере, хоть дышалось свободно. Взглянув на часы, он понял, что на работу опоздает неминуемо. С усмешкой оглядевшись по сторонам, Гуров вспомнил читанные им когда-то еще в школе фантастические рассказы и повести, в которых описывалась Москва третьего тысячелетия. О! Как там все было замечательно! По представлениям фантастов шестидесятых-семидесятых, в XXI веке Москва должна была являть собой прекрасный город-сад, в котором вместо чадающих выхлопными газами отечественных и импортных «керосинок» будут бесшумно сновать изящные электромобили, а в небе, над крышами домов будут проноситься стаи летательных аппаратов без крыльев, винтов и прочих приспособлений, вознесенные в небо волшебной силой антигравитации. И вообще все до единого жители столицы Вселенной (на меньшее советские фантасты не соглашались ни за что) будут являть собой образцы ходячей добродетели. Поэтому о преступности в том, вымышленном городе даже не упоминалось. Соответственно, совершенно ненужной была и милиция. Она если где-то и существовала, то лишь для того, чтобы разрешить, скажем, конфликт двух патриотов своего города, которые никак не хотели уступить друг другу право нести пресловутое бревно на очередном субботнике...

«Господи, – Гуров со вздохом покрутил головой, – если бы хоть один в ту пору написал про все эти нынешние долбанные „бригады“, про заказные отстрелы, про похищения, про вымогательство, разбой и грабежи, его бы сочли злостным клеветником, сумасшедшим...»

Шедший метрах в тридцати впереди Гурова тягач с огромным фургоном полуприцепа, замигав сигналом правого поворота, начал медленно вписываться в крутой вираж, ведущий к входу в туннель. В этот момент, нарушая все возможные правила, с правой стороны фургона метнулась бразильянка «Субару», которая, видно, надеялась опередить медлительный и громоздкий грузовой транспорт. Но водитель нахальной легковушки, видимо, не учел, что при повороте фургона его неминуемо занесет внутрь. «Субару», запоздало опомнившись, замедлила ход, но... Даже издали было слышно, как железо заскрежетало по железу, как пронзительно зазвенели осколки стекла, посыпавшись на дорогу.

Выбросив клубы дыма, тягач растерянно замер. Из его кабины выбрался крупный мужчина в белой кепочке и синей рубашке в клетку. Он удивленно воззрился на зажатую фургоном иномарку и широко развел руками. С трудом отпихнув правую дверцу, из «Субару» выбралась молодая особа в чем-то декольтированно-обтягивающем и, размахивая кулаками, стала кричать. Слушая ее, шофер лишь отмахивался и пожимал плечами. Понимая, что теперь стоять придется довольно долго, Гуров вышел из кабины и направился к месту ДТП.

– Ты, тварь, урод, деревенщина вонючий, да я тебя сейчас сама здесь урою! – визжала хозяйка пострадавшей иномарки. – Я сейчас вызову своего парня, он тебе кишки выпустит. Он солнцевский, с ним шутки плохи!

Слушая ее, Гуров почувствовал острое внутреннее раздражение и нарастающую злость.

– Да ты сама-то куда лезла? – добродушно увещевал визгливую автостервочку шофер тягача. – Давай вызовем гаишников, пусть они рассудят.

– Ну, козел, ты сейчас получишь! – Хозяйка «Субару» достала сотовый и стала яростно тыкать пальцем, набирая чей-то номер.

– Как знаешь. – Шофер невозмутимо тоже доставал сотовый. – Я вызываю гаишников.

В это время «десятка», стоявшая сразу за фургоном, сумела-таки вырваться влево и вклиниться в соседний поток машин. Следом за ней потянулись и все остальные, кто был заперт в своем ряду. Гуров вернулся к машине и, когда минут через пятнадцать был уже перед фургоном, увидел, как к месту аварии подошли трое здоровенных парней. Тот, что шел впереди, был, скорее всего, главарем.

Приблизившись к своей пассии, которая при его появлении несколько притихла, он презрительно кивнул в сторону шофера тягача.

– Этот, что ль? – недовольно поморщился «солнцевский». – Разберемся.

Гуров понимал, что «разбирательство», скорее всего, выльется в заурядное вымогательство. Он прижал машину к краю обочины и снова вышел из кабины.

– А тут и разбираться нечего, – хмурясь, парировал шофер. – Виновата она. Надо ездить, как положено по правилам, а не так, как кому-то вздумается. Я ее не заставлял обгонять фуру справа.

– Если ты сейчас еще хоть что-нибудь вякнешь, – зловеще прищурился братан, – твою морду размажут об твою же жестянку. Понял?

– А это мы еще посмотрим! – сурово насупился шофер, сжимая кулаки.

– Так, ну-ка, что тут у нас?.. – затараторил откуда-то внезапно появившийся худой, щупловатый лейтенант, выглядевший на фоне приятелей скандальной пигалицы легковесно и несерьезно. Он бегло осмотрел место происшествия. – Спешил куда-то? – Гаишник повернулся к шоферу тягача. – Подрезал. Тут и гадать нечего.

– Сами договоритесь или будем составлять акт? – с зевком поинтересовался мордатенький рыжий сержант.

– Да вы что, охренели? – вскипел шофер, судя по всему, никак не ожидавший подобного поворота событий. – Ну, она ведь сама залезла под фуру – это дураку видно. Да что же это такое?

– Ты потише давай, – оскорбленно скривился лейтенант, – а то сейчас отправлю в «обезьянник», а фура пойдет на штрафстоянку. Усек?

– Сбавь обороты, лейтенант. – Гуров неторопливо подошел к ним поближе. – Я свидетель и могу подтвердить, что аварийную ситуацию создала хозяйка этой иномарки.

– Так!.. – Глядя куда-то поверх крыш высоток, лейтенант демонстративно подбоченился, всем своим видом давая понять, кто здесь хозяин. – Мужик, ты куда-то ехал? Езжай дальше, разберемся и без тебя. А то вдруг у тебя самого в документах какие-то погрешности найдутся? Давай, давай...

– Эй, свидетель, – «солнцевский» покосился в сторону Гурова, – вали отсюда, пока цел. Или тебе кое-что наглядно показать?..

Он хотел добавить что-то еще, но, наткнувшись на жесткий, как каменная стена, взгляд Гурова, осекся и, поперхнувшись последними словами, растерянно замолчал.

– Витя Шустрый? – Гуров смерил его взглядом с ног до головы. – А ты, я смотрю, не поумнел. Я же тебя однажды уже предупреждал, что рискуешь, и здорово рискуешь! Хватит корчить из себя короля – это у тебя не очень получается. Даю пять секунд, чтобы ты отсюда исчез.

Враз потускнев и как-то съежившись, Шустрый быстренько ретировался. Отойдя со своими подручными на почтительное расстояние, он достал сотовый и принялся кому-то звонить. Гаишники, ошеломленные реакцией явно небезызвестного им криминального авторитета, присмирели и выжидающе смотрели на Гурова, пытаясь понять, с кем же они имеют дело. Показав удостоверение и пробежав глазами по предъявленным ему «корочкам» гаишников, Гуров жестко поинтересовался:

– Я что-то не пойму, вы кому служите, парни? Закону или бандитской отморози? Что молчим?

– Товарищ полковник, – краснея и заикаясь, начал оправдываться лейтенант. – Он иногородний, а они – дело обычное – чаще всех нарушают. Вот я и подумал...

– Весь вопрос в том, чем именно ты подумал, – усмехнулся Гуров, ткнув его пальцем в оттопыренный нагрудный карман. – Головой или этим карманом. Что там? Доллары? Евро? А... ты в рублях берешь!

– Это зарплата, товарищ полковник, – скороговоркой выдал сержант. – Вот, сегодня дали... Честное слово!

– Ну, ладно, – отмахнулся Гуров. – Сделаю вид, что поверил. А вы сейчас составите акт, как должно. Проверю!

Он сел в «Пежо» и, выбрав прогал в потоке машин, уже несколько поредевшем, направился в сторону соседнего проспекта, где обычно в это время бывало посвободнее.

Дверь своего кабинета Гуров распахнул, когда часовая стрелка близилась к девяти. Стас Крячко сидел за столом, корпя над сканвордом. Увидев Гурова, он хитро ухмыльнулся и, вскинув левую руку ладонью вперед, с деланой торжественностью провозгласил:

– Хай, бледнолицый брат мой, Лев густогривый! Поведай, какие дела и заботы удлиннили путь твоего мустанга быstroногого? А то наш великий вождь, Орлиный Зуб, уже звонил из своего вигвама, расточая стрелы гнева и грозясь отсечь томагавком половину квартальной премии.

– Хм... – Гуров пожал плечами. – Станный титул. Ну уж назвал бы этого самого вождя Орлиным Когтем, например. А то получается какое-то анатомическое недоразумение – откуда зубы у орла? К тому же, кто из нас не опаздывал? Ну, тормознулся в непредвиденной пробке. Да еще и в разгар ДТП пришлось вмешаться. Одна «гонщица» залезла на своей иномарке под фургон дальнобойщика. Да еще своего «солнцевского» ухажера на него натравила.

– Ну, внести коррективы в процесс укрепления законности – это святое. – Стас с важностью кивнул. – Только Петру твои объяснения ни к чему. Сейчас он вне себя. Я так понял, где-то что-то произошло, и он прямо-таки жаждет нацелить нас на великие дела. Кстати, пока мы еще здесь, а не там, скажи-ка мне, о эрудированнейший, что такое «горчайшее лекарство»? Пять букв, последняя «н».

– Скорее всего, хинин. Растительный препарат, лекарство, когда-то применявшееся против малярии.

– Ух ты! А я почему-то думал, что оно правильно называется «хина». – Стас вздохнул. – Ладно, а вот «добытчица жемчуга»? Три буквы.

Его последние слова заглушил звонок телефона. Гуров поднял трубку.

– Слушаю, – спокойно, без каких-либо эмоций обронил он.

– Слу-у-шает он, видите ли! – гроыхнула мембрана сердитым голосом генерала Орлова. – Явился – не запылится! Где обретался?

– Ты по делу или просто поорать? – сохраняя все то же незыблемое спокойствие, перебил начальника Гуров.

– Оба ко мне! – Орлов от неожиданности даже закашлялся. – Немедленно!

– Спешим на полусогнутых! – проорал со своего места Крячко. – Так как они там именуются, добытчицы эти?

– Ама, по-японски – морская дева. – Гуров направился к выходу. – Пошли, а то большой вождь нас самих за жемчугом нырять заставит.

– Скажи, пожалуйста... – выходя следом, Стас рассуждал сам с собой вслух. – «Ама»... Я сроду и слова-то такого не слыхивал. Пока ломал над ним голову, чего только на ум не приходило – и «оса», и «тля», и «эфа»...

Петр сидел за столом мрачнее грозовой тучи. Судя по всему, и впрямь произошло нечто из ряда вон. Впрочем, суровый вид генерала не помешал Стасу, перед тем как поздороваться, промычать мотивчик песенки: «...Восток – дело тонкое, Петруха!...»

– Хватит, хватит придуряться, шут ты наш гороховый! – Орлов свирепо метнул в Крячко испепеляющий взгляд, но своей цели эта начальственная молния так и не достигла, поскольку наткнулась на глуповато-умильную улыбочку Стаса, способную свести на нет любую порцию вышестоящего гнева. – Ох, горе мне... С кем приходится работать?! Ладно, присаживайтесь. Сегодня ночью у подъезда своего дома тремя выстрелами в упор убит сопредседатель партии «Правое дело» Герман Ритушин. Слышали о таком? Его охранник с тяжелым ранением в реанимации.

– Видел его пару раз по телевизору, – кивнул Гуров. – Но он, заметим, не только сопредседатель своей партии, он еще и очень небедный человек. Он, по-моему, владеет сетью магазинов модной одежды, совладелец одного из крупнейших банков и обладатель контрольного пакета акций ведущей строительной компании.

– Ого! – Петр восхищенно причмокнул. – Вот это я понимаю – человек владеет исчерпывающей информацией. Таких познаний о нашей московской бизнес-элите не имею даже я. Ну так что, пинкертонны мои ненаглядные? Вам и карты в руки! Вы должны раскрыть это дело во что бы то ни стало и побыстрее! А посему работать будете вдвоем. Ваш испытанный тандем – клоуна и философа – себя оправдывал уже не раз. Надеюсь, он и здесь окажется на высоте.

– Петр! Товарищ генерал-лейтенант!.. – Стас смахнул ладонью несуществующую слезу. – Я тронут! Хотя раз в жизни ты называл меня тем, чем я являюсь на самом деле, – философом. Спасибо, спасибо, друг!..

– Петр, а тебе не кажется, что это дело скорее для фээсбэшников? – с усмешкой покосившись в сторону Стаса, с некоторым сомнением заметил Гуров. – Мы – сыскари, наша клиентура – обычная уголовщина. А вот политика – это их хлеб. Зачем его у людей отнимать?

– Во-первых, Лева, – возмутился Орлов, хлопнув ладонями по столу, – что за мода пошла – с ходу отказываться от порученного дела? Вчера от одного отпихнулся, сегодня – от другого... Ну, совесть-то тоже надо иметь?! Во-вторых, насчет ФСБ не переживайте – они тоже будут этим заниматься. Могу обрадовать, что и Генпрокуратура взяла это дело под особый контроль. Мне теперь придется ежедневно докладывать наверх о ходе расследования. Так что не брыкайтесь и немедленно за работу!

– А ФСБ будет работать автономно или нам с ними придется пересекаться? – почесывая нос, прищурил левый глаз Крячко. – И кто будет представлять сию достойную контору?

– Пересекаться придется. Что-то накопаете вы, что-то – они. – Орлов озабоченно побарабанил пальцами по крышке стола. – Ведомственности и местничества быть не должно. Напомню: убийство надлежит раскрыть в кратчайшие сроки. Заметили? В кратчайшие! А непосредственно контактировать будете со старшим лейтенантом Воробьевой Валентиной... Э-э-э... Игоревной.

– А она молодая, красивая? – В глазах Стаса вспыхнуло любопытство, он даже привстал с кресла.

– Не знаю, не видел ни разу. К тому же это значения не имеет – возраст, внешность... Вам предстоит раскрывать преступление, а не флиртовать за казенный счет. Ты мне эти штучки брось! Нам еще не хватало перед чужим ведомством опозориться.

– Значит, говоришь, Воробьева? – задумчиво хмыкнул Крячко. – Полку пернатых прибыло. А опозориться скорее можно не тогда, когда уделяешь внимание интересной женщине, а, наоборот, когда корчишь из себя буку и импотента. Уж чего-чего, а невнимания к себе женщины не прощают.

– Слушай, Казанова! – досадливо поморщился Орлов. – Мне так кажется, что, создавая тебя, природа нечаянно поменяла местами простату и мозги. Все сущее ты меришь на свой... – пренебрежительно сморщив нос, Петр отрицательно покрутил головой. Нет, вовсе не аршин. – Все, эту тему закрываем. Так, Лева, с чего предполагаешь начать расследование? Какую версию считаешь наиболее перспективной?

– Само собой разумеется, ту, что ближе и понятнее, – корыстные мотивы, профессиональная деятельность. Большие деньги, как правило, чаще всего и становятся причиной гибели их обладателей. Политические мотивы, на мой взгляд, куда менее вероятны. В Думу, насколько мне известно, их партия не прошла, Ритушин в ней представлен как одномандатник. Какого-либо радикализма ни в чем не проявил. По-моему, как депутат он себя вообще

никак не проявил. Поэтому и начнем с изучения его текущих дел – не задолжал ли кому, не слишком ли потеснил конкурентов, не должен ли ему кто-нибудь очень больших денег...

– Хорошо, действуйте. – Петр подал Гурову скоросшиватель с несколькими подшитыми в нем листами бумаги. – Это исходные материалы – протокол осмотра места происшествия, данные опроса свидетелей – их всего двое. Еще есть первичное заключение судмедэксперта о причинах наступления смерти. Но вы все же не отбрасывайте и политические мотивы. Кстати, Ритушин недавно издал книгу. Наверное, стоило бы посмотреть, что за взгляды он там излагает.

– Господи, как же не хочется забивать голову всякой дребеденью! – Гуров поморщился.

– Кстати, – добавил Орлов, – второй сопредседатель «Правого дела», Виталий Гришкаев, пообещал тому, кто найдет заказчиков и исполнителей убийства, премию – миллион долларов. Стимул, как видите, весьма солидный.

– Впечатляет! – Стас преувеличенно восторженно потер руки. – Лева, мы на что премию будем тратить? У меня есть предложение: поехать в Париж и купить Эйфелеву башню. А, чуть не забыл! Петру-то хоть что-нибудь отстегнем?

– Иди работай, башневладелец хренов! – безнадежно вздохнув, отмахнулся Петр, всем своим видом говоря: горбатого могила исправит.

– Занятный момент, Петр... – Выходя из кабинета, Гуров задержался в дверях. – О Гришкаеве немного наслышан – скряга, каких поискать. Владеет нефтяной компанией, пароходством, металлургическим комбинатом, несколькими газетами. Имеет миллиарды рублей, а за копейку, что хотя бы в перспективе не даст ему дивидендов, готов удавиться. Отсюда вопрос: с чего бы это вдруг такая щедрость?

– Слушай, Лева, я прямо-таки в потрясении: откуда ты все это знаешь? Вот я, например, до этого происшествия даже имена их едва ли смог бы назвать. А тут – такие подробности...

– Все очень просто: когда застрянешь в очередной пробке, трать время не на воркотню по поводу транспортных проблем, а на чтение прессы. Из нее иногда можно почерпнуть очень много интересного. Кстати, наиболее высококлассные шпионы никогда не лазят по чужим сейфам за секретами. Они просто ежедневно читают газеты и журналы страны пребывания и между строк выуживают самые сокровенные тайны.

– Ладно уж, Джеймс Бонд, ступай. – В голосе Петра сквозило легкое разочарование – он и не предполагал, что «ларчик» открывался так просто.

Глава 2

После кратенького совещания в своем кабинете приятели распределили между собой направления поиска. Гуров решил встретиться с вдовой Ритушина, а Крячко вознамерился посетить головной офис его торговой фирмы, чтобы побеседовать с заместителями и помощниками. Когда они уже собрались уходить, неожиданно зазвонил телефон.

– Не иначе, Петра чесотка одолела! – сердито буркнул Стас, поднимая трубку. – Теперь начнет названивать каждые пять минут... Чаво изволите, ваше сиятельство? – утрированно лакейским тоном пропел он в микрофон, но тут же закашлялся, густо покраснев. – Гм... Гм... Извините, накладочка вышла... Да, тут, знаете, нас иногда один телефонный хулиган в генеральских погонах одолевает. Вот я и подумал, что это снова он. Очень... Очень приятно... Что, уже здесь? Ну, сразу видно, что это наша доблестная ФСБ. Все, сейчас выходим. – Он ухмыльнулся и положил трубку. – Эх, вот ведь нарвался! Это не...

– ...Орлов, это старший лейтенант Воробьева, – перебив, Гуров закончил тираду Крячко. – Сколько раз говорил тебе, неслуху: однажды так сядешь в калошу, что потом всем управлением будем краснеть. Я так понял, она ждет нас у вестибюля? Пошли, Арлекин Арлекиныч!

Когда они вышли из управления, у входа увидели неброско, но с большим вкусом и даже некоторой аристократичностью одетую в легкий демисезонный костюмчик молодую женщину лет двадцати восьми. Уже прохладный сентябрьский ветерок игриво трепал темно-русые волосы до плеч. Одарив приятелей бирюзой веселого, доброжелательного взгляда, девушка шагнула навстречу и, приветливо улыбнувшись, протянула руку.

– Старший лейтенант Воробьева Валентина Игоревна, – просто, без тени жеманства или кокетства представилась она.

– Станислав Крячко, полковник милиции, оперуполномоченный... э-э-э... вот этой замечательной конторы, – осторожно пожимая ее тонкую, но крепкую руку, Стас кивнул на вывеску управления.

– А вы – Лев Иванович Гуров, – пожимая Гурову руку, Воробьева знающе улынулась. – Наслышана о вас. Вы уже в некотором смысле – классик сыска.

– О-о-о... – Гуров со смехом развел руками. – Значит, плохи мои дела. Классик – это что-то сродни музейному экспонату. Вот так и не замечу, как попаду в гербарий.

– Глядя на вас, никогда бы не подумал, что место вашей трудовой деятельности – наследница бывшей пролетарской ВЧК, – с некоторым недоумением констатировал Стас. – Мне почему-то всегда казалось, что в стенах такого ведомства, как ФСБ, до сих пор все поголовно ходят в кожанках и с «маузерами». А тут скорее учительница английского языка или литературы из какой-нибудь элитной школы, в которую до беспамятства влюбляются старшекласники и в ее честь пишут стихи, даже плачут по ночам в подушку от неразделенной любви...

– Правда? – непринужденно рассмеялась Валентина, окончательно сразив и без того трепещущее от восхищения сердце хронически влюбчивого Станислава. – Но я в большей степени не лирик, а физик – закончила физмат университета.

– О нет! – Крячко решительно замахал руками. – Математики – это ожившие цифровые машины, которые питаются квадратными корнями и икают интегралами... А вы являетесь собой нечто прямо противоположное.

– Вот и замечательно. – Валентина с улыбкой кивнула. – Значит, сработаемся. Как говорится, сверим наши часы. У нас с вами общее задание – расследование убийства Ритушина, предпринимателя, депутата Госдумы, сопредседателя правой партии. Но вы, я так понимаю, предполагаете вести расследование, отработывая версии, опирающиеся на его предприни-

мательскую деятельность, его финансовые дела и прочее? Верно? Ну что ж, в этом плане мне с вами не тягаться. Поэтому я займусь политическими мотивами, возможно, они все же имеют место быть. Согласны?

– Вы прямо-таки читаете наши мысли, – přátельски улыбнувшись, кивнул Гуров. – Мы только что об этом говорили с генералом Орловым. В данный момент мы направляемся по нескольким адресам – к вдове и прочим родственникам Ритушина, а также в его офис, повидаться с замами и помами.

– Отлично! – Валентина на секунду задумалась. – Мне ж, наверное, тоже нелишне будет заглянуть в его контору. А потом попробую встретиться с «праводельцами».

– Ну, тогда вам – со Станиславом. – Гуров указал на Стаса. – Давайте будем на связи и где-то в обед или сразу после здесь у нас встретимся.

– Хорошо, – все с той же непринужденной улыбкой Валентина согласно кивнула, хотя по ее глазам было видно, что она в большей мере хотела бы поехать вместе с Гуровым.

По адресу, взятому в пресс-службе торговой фирмы Ритушина, Гуров разыскал в одном из элитных дачных поселков роскошный трехэтажный коттедж, отгороженный от внешнего мира высокой кирпичной стеной. Подъехав к мощным железным воротам, разукрашенным под хохлому, Гуров посигналил. Из калитки вышел дородный, представительный охранник.

– Лев Иванович? – уважительно поинтересовался он. – Татьяна Павловна ждет вас.

Ворота отъехали вбок, и Гуров направил «Пежо» в глубь просторного двора, окруженного цветниками. Припарковав машину у фонарного столба, на котором висел настоящий дорожный знак «Р» («Паркинг»), он вошел в прохладный вестибюль этого, судя по всему, весьма дорогого жилища. По беломраморной лестнице с литыми, узорчатыми перилами медленно спустилась молодая женщина в черном траурном платье. На вид ей было лет около тридцати. В руках она держала смятый носовой платок, которым время от времени утирала покрасневшие глаза. Следом за ней спустились двое пожилых мужчин и три женщины – одна молодая, похожая на хозяйку дома («Видимо, сестра...» – догадался Гуров), и две в годах. Все они также были одеты в траур.

– Вы – Лев Иванович Гуров? – слабым, как бы надтреснутым голосом спросила вдова. – Здравствуйте. Это родные и близкие, пришли разделить наше общее горе. Присаживайтесь, – женщина указала на кресло, примыкающее к низенькому столу, стоящему подле длинного кожаного дивана.

– Татьяна Павловна, – сказав несколько сочувственных слов, Гуров сразу же перешел к делу, – что вы сами думаете о случившемся? Не было ли у вас до этого события каких-либо предчувствий? Не замечали ли вы, что кто-то настроен против вашего супруга?

– Нет, нет... – вдова категорично покачала головой. – Я даже в страшном сне такого не могла бы предвидеть. То, что случилось, для нас как гром среди ясного неба. Герман... О нем даже не хочется говорить – был... Я до сих пор не могу поверить, что его нет. Он человек сильный, волевой, но не деспот. Он хороший дипломат и в любой ситуации мог найти точное, правильное решение. Он никого не загонял в угол, никого не ставил перед выбором «или —или». Я увлекаюсь восточной философией, он этого не разделял. Но именно он в своих делах, повседневной жизни поступал в соответствии с постулатами философских учений. Поэтому ни явных врагов, ни завистников, ни каких-либо злопыхателей он не имел.

– А каковы были его взаимоотношения с Виталием Гришкаевым? Вы его знаете?

– Да, немного знаю, – Татьяна чуть заметно кивнула. – Он был у нас раза два или три. Но... Какого-либо конкретного впечатления о себе не оставил. Герман – это конкретное впечатление с первой же минуты. Гришкаев – час общения с ним, и впечатления абсолютно никакого. Он – ни хороший, ни плохой, ни вялый, ни эмоциональный, ни грустный, ни веселый... Я даже не знаю, какими словами его можно было бы описать.

– Он вашему супругу не завидовал?

– Чему завидовать? Боже! – Татьяна новь промокнула глаза. – Да, мы люди не бедные, но в сравнении с ним – сущая нищета. Кроме того, наш и его бизнес не пересекался. Известность? На экране телевизора он мелькает то и дело. Германа за все время показали лишь раз или два. Нет, завидовать Герману Гришкаев мог едва ли.

Ничего такого, за что можно было бы зацепиться, услышать Гурову так и не удалось. Похожий разговор состоялся и с прочими присутствующими. Родственники недоумевали, уверяли, что такого человека, как Ритушин, могли убить либо по недоразумению, либо по глупости. Единственно конкретное, что удалось узнать, – координаты близкого друга убитого. По словам Татьяны Ритушиной, это был доцент истфака МГУ, с которым Ритушин дружил еще с юности.

Поскольку до полудня было еще далеко, Гуров решил съездить в университет. Набрав номер, взятый у родственников убитого, он услышал мощный бас, который скорее мог бы принадлежать волжскому бурлаку, нежели представителю кабинетной науки. Владелец баса уведомил Гурова, что не более чем через полчаса он будет свободен и готов с ним встретиться.

Доцент истфака МГУ Юрий Лебедев и внешне представлял собой зрелище довольно впечатляющее. Ростом он был с Гурова и вдобавок к этому имел могучую шею и толстые руки.

– Едва ли ошибусь, если предположу, что в недалеком прошлом вы брали призовые места по греко-римской или вольной борьбе, – заметил Гуров, обменявшись с Лебедевым рукопожатием.

Крепость гуровского рукопожатия, судя по всему, на доцента произвела самое благоприятное впечатление, поскольку он добродушно, но с заметной грустинкой улыбнулся и, охотно кивнув, прогудел:

– Совершенно верно. По названным вами видам борьбы имею мастера спорта. Но, я так понимаю, вы изъявили желание увидеться со мной по поводу того, что случилось с Германом? – На лицо Лебедева набежала тень.

– Да, я именно по этому поводу. – Усаживаясь в указанное ему кресло, Гуров мельком осмотрел крохотный кабинетик доцента, который тот, судя по всему, делил с кем-то еще.

Вдоль задней глухой стены в ряд стояло несколько шкафов со стеклянными дверцами, набитых книгами и папками с какими-то бумагами. В ближнем к входной двери стояли кубки и статуэтки. Очевидно, это и были спортивные трофеи Лебедева. Стены пестрели множеством дипломов и грамот.

– О случившемся с Германом рано утром мне сообщила Татьяна, его жена. – Лебедев наморщил лоб и потер виски. – Я с полчаса ходил как шальной, не зная, что думать, что делать, как вообще в это поверить. Это был настоящий шок. Убийство такого человека – абсолютная, невероятная бессмыслица. Я не могу представить, кому выгодна его смерть.

– Смерть всегда бессмысленна, – философски заметил Гуров и, как это случилось с ним уже не раз, чисто автоматически пошарил в кармане, но тут же вспомнил, что сигареты там искать бессмысленно.

– Хотите закурить? – Лебедев предупредительно подвинул к нему лежащую на столе пачку сигарет и зажигалку. – Вот, берите, не стесняйтесь. Сам я уже давно не курю. Но курильщиков понимаю. Это моего соседа по кабинету. Он не жадный. Кстати, чемпион Москвы по шахматам.

– В шахматы играю, и вроде неплохо. – Гуров чуточку слукавил – играл он очень сильно, и в управлении едва ли кто рискнул бы с ним сразиться. – Но раз уж вы не курите, то поддержу и я эту замечательную традицию. Расскажите-ка мне все, что знаете о вашем друге. Меня интересуют его симпатии и антипатии, его предпринимательская и политическая деятельность, его привычки и вкусы. Чем больше деталей, тем лучше. Убийство, это

видно по почерку, совершил профессионал. На месте преступления не обнаружено даже стреляных гильз. Свидетели информацию дали крайне скудную. Так что любой штрих из его биографии может стать ключом к раскрытию преступления.

– Попытаюсь... – Лебедев развел руками. – Германа знаю со школы, так что рассказ может получиться бесконечно долгим. Но вкратце скажу так, людей, подобных ему, немного. Это – талант, самородок, умница. Он к нам в школу пришел в восьмом классе. Корнями откуда-то с Новгородчины. Парень он был зажигательный. В баскетбол, футбол, шахматы играл лучше всех. Имел феноменальную память. У новичков обычно в чем сложность? Пока всех запомнит, всех узнает, со всеми освоится – больше года уйдет. А этот уже через неделю знал практически всех по именам. У нас там среди пацанов были свои «бугры», всякие авторитеты полукриминального пошиба... Ну, как и во многих других городских школах. Тем более в нашей, на окраине города.

– Лично вы с ним в то время дружили? – спросил Гуров.

– Дружьями мы с ним стали гораздо позже. – Лебедев вздохнул. – Я до его появления в школе был одним из самых крутых «бугров». Семья неблагополучная, в соседях – бывшие зэки и алкоголики. С кого было брать пример? Поэтому я со спокойной душой верховодил кодлой. Учился плохо. И из восьмого класса собирался уйти в ремесленное. И, скорее всего, кончил бы зоной... Но тут появился Герман.

Меня боялись даже учителя. Его уважали и директор, и первоклашки. Он организовал команду пацанов, которая мою кодлу заблокировала наглухо. И тогда я ему «забил стрелку». Пришли, он – со своими, я – со своими. Предлагаю: давай один на один. Так-то он худошавый был, но дрался здорово. Он свое предложение: что можно доказать кучей дурного мяса? Лучше мериться мозгами. Мол, давай в шахматы на интерес. Я уперся: лучше в карты, в очко. Он, представляете, согласился, хотя в карты был – ни «бум-бум». А условие было очень жестокое. Если проигрывал он, то должен был целый год быть у меня, по сути, в рабстве. Если я – распускаю кодлу и год заканчиваю на «хорошо» и «отлично».

– Необычные условия, – подивился Гуров, – достойные глубоко идейного комсомольца-добровольца.

– Скорее умного, дальновидного человека. – Лебедев в который раз тяжело вздохнул. – Он ведь знал, что пока я главарь – покоя знать не будет. А развалив кодлу и перетащив меня в актив, он разом решил уйму проблем. Сели мы играть. Три раза сыграли без интереса – он учился, а четвертый – по-настоящему. И он выиграл!

– Как же вы после этого?

– О! Для меня это был сущий кошмар. Мне пришлось все повторять чуть ли не с первого класса. Карточный долг – вещь безусловная. Встретил я как-то Германа, стал уговаривать: давай я тебе уплачу обалденный выкуп, а ты мне простишь долг. И он знает что сделал? Принес мне книгу про Ломоносова. Ну, осилил я ее дня за три. И поверите ли, после этого во мне что-то изменилось. То ли позавидовал Михайле Васильевичу, то ли себя в нем увидел? Но восьмой закончил на четверки, десятый – почти все на пятерки. Правда, Герман мне здорово помог. Вот так с ним и стали закадычными друзьями. Он же меня и в МГУ убедил поступать. Сам пошел на физмат, я – на истфак.

– А в МГУ как обстояли дела?

– Он и в университете был всегда на виду, хотя к этому и не стремился. Его обожали, особенно за розыгрыши. Делал он это мастерски – разыграть мог кого угодно. Правда, кое-кто на него за это злился, но таких было мало.

– Обожал его и прекрасный пол?

– Да, вниманием обделен Герман не был. Но... тут особая история. Он еще в девятом дружил с одной девчонкой из соседней школы. Герман, надо сказать, по своей природе одно-

люб, а вот его избранница... Сразу после школы выскочила замуж за сына какого-то туза. Герман страшно переживал, месяц ходил как ненормальный.

– А где она сейчас, эта особа? И как фамилия отца, не припомните?

– Да нет, к нынешней истории это отношения не имеет. – Лебедев отмахнулся. – Они все давно в Америке живут, сюда и носа не кажут. Так вот, в МГУ у него были мимолетные увлечения, но ничего серьезного так ни с кем и не получилось. А вот однажды он в трамвае нашел кем-то забытую библиотечную книгу. По штампу выяснил, из какой она библиотеки, поехал туда, узнал, кто хозяин. Приехал по нужному адресу, позвонил. Ему открыла девушка лет тринадцати. Он как глянул, так и остоленел. Кое-как объяснил, в чем дело. Тут вышли ее родители. Оказалось, книгу потерял их дедуля – старческая забывчивость подвела. Пригласили отобедать. Герман согласился. А после этого заезжал к ним еще несколько раз. Потом вдруг понял, что он из-за этой девочки совсем потеряет голову. Бывать у них перестал, пытался о ней забыть...

– Потрясающая история, – усаживаясь поудобнее, отметил Гуров. – Эта девочка – Татьяна Павловна?

– Да, это она. Прошло пять лет, и однажды он встретил ее в коридоре МГУ. Он к той поре защитил кандидатскую, начал писать докторскую. И вот такая встреча – первокурсница и доцент. Ей восемнадцать, ему – двадцать семь. Она была одной из самых заметных в университете. За ней парни ходили табуном, а она все чего-то ждала. А чего ждать? Он себя считал чуть ли не стариком и о том, чтобы с ней объясниться, даже не помышлял. Мучился, терзался, но молчал. И тогда однажды произошло вот что. Справляли мы у него дома день рождения. В дверь звонок. Герман пошел открывать и не возвращается. Мы вышли узнать, в чем дело, а они стоят обнявшись, как будто бояться, что их кто-то может разлучить. Он потом рассказал, что, когда увидел ее у себя на пороге, чуть не лишился чувств. А она вручила ему цветы и объявила, что хочет сделать еще один подарок – дать согласие выйти за него замуж.

– Отчаянная девушка! – рассмеялся Гуров. – Наверное, такое бывает только в романах. Но как же получилось, что Ритушин оказался в бизнесе?

– Причина одна, общая для всех – всеобщий развал и обнищание. В первую очередь науки. – Лебедев горько усмехнулся. – Когда началось все это, я был один, прожить проще. А у Германа к тому времени появилась семья. Да еще больные родители с нищенской пенсией. Он и репетиторством занимался, и в каком-то журнале подрабатывал – статьи писал. Но все это основной проблемы не решало. Перебиваться приходилось с копейки на копейку. И тогда он принял решение – в корне переменить свою жизнь. Он ко мне как-то пришел и объявил: "Наука – это святое. Но принести ей в жертву тех, о ком обязан заботиться, – безнравственно. Взял кредит, купил магазин. Хлебнул, конечно, изрядно – и с рэкетом пришлось дело иметь, и с чинушами. Но постепенно на ноги встал. Иначе и быть не могло – он был сильнейший аналитик, каждый свой шаг просчитывал на десять ходов вперед. Поэтому уже через несколько лет имел сеть магазинов по всей Москва. Потом удачно купил акции в ту пору убыточной строительной компании. Буквально через год конъюнктура рынка изменилась, компания пошла в гору, стала прибыльной, преуспевающей. Поскольку с банками, услугами которых пользовался Гурман, постоянно случались всякие казусы, он вклинился и в банковский сектор. Второразрядный, если не третьеразрядный банк «Русский Крез» сейчас входит в десятку лучших банков Москвы. Потом, поняв, что даже бизнесмены в современной России мало что могут изменить, занялся политикой. Нашел единомышленников, образовал движение «Дело чести», но прошел в Госдуму как одномандатник.

– А вы тоже вошли в его движение?

– Ну а как же! – Лебедев тягостно вздохнул. – Своего лучшего друга поддержать я был просто обязан.

– А сам он потом как оценивал свой путь в политику? Кстати, – Гуров потер переносицу, – я что-то даже не припомню такого депутата, как Ритушин. Положив руку на сердце, можно ли сказать, что его деятельность в Думе была столь же плодотворна, как и в бизнесе?

– Разумеется! – Лебедев оперся о стол локтями, сцепив меж собой пальцы. – Я же вам уже говорил, что Герман ничего не делал «на авось». Как аналитик, он тщательно обдумывал каждый свой шаг. С первых же дней вошел в комитет по законодательству, был заместителем председателя, но фактически основную работу делал именно он. Благодаря Герману из многих законопроектов ушли самые глупые, самые нелепые, а то и просто убийственные положения. Дать людям правильные, справедливые, умные законы он считал главной задачей Думы.

– То есть я так понял, – Гуров прищурился, внутренне ощутив некое подобие зацепки, – его деятельность в Думе определенным кругам могла быть не по вкусу?

– Да. – Лебедев хмуро кивнул. – Кое-кто им был очень недоволен. У них в комитете есть такой депутат Свистов. Он Герману прямо говорил, что зря тот так активничает. Мол, лоббировал бы, как и «все нормальные», интересы той или иной группировки, мог бы и свой бизнес раскрутить пошире. Но Герман и так шел в гору и перспективы имел просто блестящие. Он и меня одно время звал к себе. Мол, давай ко мне компаньоном, хватит нищенствовать. Но я не согласился. Бизнес – это особая стихия. А я уже привык к своей нынешней жизни. Она мне нравится.

– А что вы можете сказать о Виталии Гришкаеве? И, кстати, как получилось, что «Дело чести» превратилось в «Правое дело»?

– Гришкаев для меня личность довольно непонятная. Типичный олигарх, без фантазий и иллюзий. Лично мы незнакомы. Видел его всего лишь раз, когда была объединительная конференция «Дела чести» и гришкаевского «Правого фланга». Гришкаев параллельно с Германом тоже баллотировался в Думу, но его «прокатили». А «Правый фланг» в ту пору стремился стать парламентской партией. Вот Гришкаев и предложил Герману объединить усилия. Причем на выгодных для Германа условиях – большая часть положений программы «Дела чести» становилась основой программы новой правоцентристской партии. Около года шли переговоры и дебаты, сверялись и уточнялись позиции. Так вот и появилось «Правое дело».

– Взаимоотношения Ритушина и Гришкаева можно было бы назвать товарищескими, партнерскими? Я уже не говорю – приятельскими?

– Приятельскими – нет. – Лебедев отрицательно качнул головой. – Слишком разные они были люди. Герман – открытый, не жадный, можно даже сказать, щедрый человек, с чувством юмора, настроенный сугубо пророссийски. Гришкаев – суховат, если не сказать – скряга, замкнут. Его кредо: Родина там, где можно делать большие деньги.

– Но почему же Ритушин, наверняка зная о таких качествах Гришкаева, решился с ним объединиться?

– «Правый фланг» представлял не один Гришкаев. Было много и других достаточно ярких личностей. Кстати, в результате этого объединения Герман выиграл гораздо больше, чем Гришкаев. Германа как лидера тут же признали и его новые однопартийцы из «Правого фланга». Он был харизматической личностью. Во всяком случае, о нем вполне серьезно говорили как о будущем премьере. А там... Кто знает? Смешно сказать, но его вполне серьезно убеждали взять фамилию жены. Девичья фамилия Татьяна – Дворянцева. Мол, эта звучит куда значительнее, чем Ритушин.

Когда Гуров закончил разговор, уже выходил из кабинета, Лебедев неожиданно его окликнул:

– Лев Иванович! Обязательно найдите убийцу Германа. Прошу об этом не только как его друг, но и как один из тех, кто после случившегося утратил немалые надежды на наше благополучное завтра.

Глава 3

Гуров вернулся в управление незадолго до полудня. Почти сразу же, следом за ним подъехали и Крячко с Воробьевой.

– Ну, давайте отработаем все то, что удалось нарыть за эти часы, – сев на свое место, объявил Гуров. – Начну с себя. Встретился с вдовой и родственниками Германа Ритушина в их загородном доме. Мне так думается, бытовая версия убийства отпадает начисто. Супружескими изменами и мстью за что-то подобное там даже не пахнет. Не похоже и на то, что убийство – следствие дележа имущества, денег, недвижимости. Вдова и родственники в шоке – никто не ожидал, что на Германа Ритушина вообще кто-то может совершить покушение. У них предположений всего два: либо это ошибка исполнителя заказного убийства, либо непонятная выходка какого-нибудь психопата.

Говорил с его лучшим другом, доцентом истфака МГУ. Тот тоже в крайнем недоумении. Убийство воспринимает как невероятную нелепость. Вообще, если суммировать все услышанное о Ритушине, вырисовывается некий идеальный образ. Что-то вроде Володи Ульянова, описанного в Большой советской энциклопедии. Тут куда ни кинь – пример для подражания. И в учебе, и в работе, и в быту, и на общественном попприще. В школе и вузе – круглый отличник, хотя и не паинька, но, безусловно, и не шпана. Эдакий Корчагин образца восьмидесятых. В науке второй Эйнштейн. В бизнесе – второй Бил Гейтс. Вдобавок Третьяков, Савва Морозов и Мамонтов в одном лице. По словам родственников, Ритушин много средств тратил на благотворительность, прежде всего на беспризорных детей. В политике – второй Аденауэр, который, по мнению его друга, мог бы вывести Россию в мировые лидеры. Честно говоря, прямо даже не верится, что такие люди в наше время еще есть.

– Теперь, считай, уже нет, – Стас невесело усмехнулся. – Среди нынешних богатеньких «буратин» он оказался «белой вороной». Может быть, за это и поспешили убрать?

– Ну а мы побывали в центральном офисе холдинга, побеседовали с его сослуживцами, – в разговор вступила Валентина. – Первый зам Ритушина рассказал нам о текущих делах покойного босса. По его словам, Ритушин действительно был не только отличным организатором, но и одаренным дипломатом. Он смог обойти многие подводные камни, на которые напоролся не один предприниматель. У себя в корпорации был настоящим патроном, которого ценили все, от высшего менеджмента до швейцара и уборщицы. Во всяком случае, люди действительно опечалены случившимся. О его перспективных планах в бизнесе удалось узнать следующее. В недалеком будущем он планировал купить еще одну сеть магазинов. Но покупка не была осложнена какими-либо скандалами или махинациями. Претензий со стороны клиентов или смежников не отмечалось. Если что-то и было, то в основном по мелочам. Судебных тяжб ни с кем не вел. Крупных, безнадежных должников не имел. У него хорошо поставлена служба финансового контроля, и тем, кто мог оказаться в «интересном» положении, отказывали очень вежливо, но категорично. Ну и сам Ритушин, если и привлекал инвестиции со стороны, то расплачивался строго в срок.

– Вы общались только с замом или говорили с кем-то еще?

– Конечно! – переглянувшись с Крячко, Валентина кивнула. – Говорила и с финансовым директором, и с начальником службы безопасности.

– И что же говорит их служба безопасности? – заинтересовался Гуров.

– Она представлена ее начальником, бывшим офицером ГРУ, его замом, это выходец из нашей службы, и десятком человек аппарата. Начальник службы безопасности твердо уверен, что крупный московский криминал к убийству отношения не имеет. У них достаточно много платных информаторов во многих группировках, и появись даже какие-то намеки подобного рода – они бы об этом тут же узнали. Да, попытка подмять под себя концерн Риту-

шина периодически возникала. Но служба безопасности свой хлеб даром не ела. Ее спецы находили, причем очень быстро, уязвимые места тех, кто «наезжал», и создавали им такие хитро закрученные обстоятельства, что тем уже было не до жиру. Одним словом, профи. С чинушами делиться приходилось – это факт. С этой чумой справиться даже сложнее, чем с какой-нибудь крутейшей «бригадой». Поэтому-то Ритушин и был одним из сторонников принятия самых жестких вариантов закона о госслужбе и борьбе с коррупцией.

– А с его «партайгеноссе» Гришкаевым встречались?

– Увы, – Валентина развела руками, – у «партайгеноссе» в последний момент появились какие-то неотложные дела. Зато удалось поговорить с помощником Ритушина в Госдуме. Это Дмитрий Стрельцов – известный журналист, работавший в крупных столичных и общероссийских газетах. Ученик самого Щекочихина. Парень отчаянный, писал разоблачительные статьи, в которых полоскал и правительство, и олигархов, и криминальные структуры. К нему было несколько исков, практически все суды выиграл, но все равно после каждого иска его увольняли. Кто-то за это усердно молился. На него было совершено несколько покушений, после одного из них Дмитрий месяц лежал в больнице. Поэтому живет совершенно один. Его родители несколько лет назад умерли, семью заводить не рискует – боится быть уязвимым. Ритушин узнал о нем, прочитав в газетах об очередном иске к Стрельцову со стороны крупной угольной компании, которую тот разделал под орех за то, что там месяцами не выдавали зарплату рабочим и при этом охотно спонсировали конкурсы типа «мисс ноги» и «мисс грудь». Ритушин Дмитрия сразу же пригласил к себе.

– Понятно, – откинувшись в кресле, Гуров кивнул. – Каково же мнение этого отчаянного парня?

– Он тоже не уверен, что убийство дело рук московских мафиозо. – Валентина задумчиво вертела в руках авторучку. – Считает, что это мог совершить или отморозок-одиночка, или... Несколько месяцев назад Дмитрий случайно узнал о появлении некой левацкой группировки, предположительно террористической направленности. Суть их главной идеологической доктрины внешне весьма благородная – заставить олигархов делиться с народом.

– Кто же их главный идеолог?

– Это выяснить пока не удалось, – огорченно вздохнула Валентина. – Но Дмитрий обещал, что в ближайшие дни постарается получить всю необходимую информацию.

Когда Валентина упомянула о Стрельцове, Гуров заметил, как на лице Крячко в этот момент промелькнуло что-то, похожее на тень вовремя погашенной улыбки.

– Так... – после некоторого раздумья подытожил Гуров. – Исходя из того, что нам удалось узнать, мы можем сделать только самые-самые общие выводы. На которых, понятное дело, ни одной хоть чего-то стоящей версии не построить. А это значит, что мы по-прежнему бежим на месте, не продвинувшись вперед ни на йоту. Следовательно, вторую половину дня мы должны потратить намного более результативно, иначе вечером Петру... то есть генералу Орлову, сообщить будет нечего. Поэтому предлагаю тебе, Станислав, встретиться со свидетелями и поискать новых. Вдруг кто-нибудь еще обнаружится? Я сейчас попытаюсь созвониться с одним... В общем, человеком несправедливой жизни. Попробую его разговорить. Ну а вам, Валентина Игоревна... Или можно просто – Валентина? Хорошо, вам, Валентина, я приказывать полномочий не имею, поэтому хотел бы спросить о ваших планах на остаток сегодняшнего дня и на завтра.

– Буду вылавливать Гришкаева – вдруг да удастся узнать от него что-то интересное? Хочу увидаться и с членами исполкома «Правого дела». Попутно буду знакомиться с содержанием этой книжки. – Валентина достала из сумочки толстую брошюру в темно-синей мягкой обложке с ярко-красным заголовком «Тупиковая ветвь социальной эволюции». – Это та самая работа Ритушина. Дмитрий дал. Сказал, что ему понравилась. Так что, надеюсь, и я

осилу этот талмуд. Вечером, наверное, созвонимся. Если удастся узнать что-то интересное, сообщу.

Улыбнувшись, Валентина скрылась за дверью. Проводив ее взглядом, Крячко с некоторой грустинкой в голосе доверительно сообщил:

– Сегодняшний раз получил возможность убедиться в том, что стрела Амура – самое мощное средство огневого поражения. В сравнении с ними гранатомет – сушая безделица. От них никакая броня не спасает.

– Хм-м-м... – Гуров впери в приятеля испытующий взгляд. – На дворе вроде бы не март, а сентябрь идет полным ходом.

– Ой, только не надо этого зловеще-многозначительного «хм-м-м», – поморщился, как от лимона, Стас. – На сей раз речь не обо мне. Жертвами прицельного огня малолетнего хулигана с крылышками стали совсем другие люди.

– Да? – Гуров с недоверчивой усмешкой побарабанил пальцем по столу. – И кто же они, эти травмированные любовными стрелами?

– ОНА – наша новая знакомая Валюша из ФСБ, а ОН – помощник депутата Госдумы Дмитрий Стрельцов. Это надо было видеть.

– Ага! И поэтому, вместо того чтобы заниматься своими прямыми обязанностями, вы устроили обмен томными взглядами? Интересно, как вам только удалось хоть что-то выяснить по делу?

– Лева, я тебе уже не раз говорил: ты – закастеленый сухарь, начисто лишенный высоких чувств! – с наигранной патетикой воскликнул Стас, вскинув к потолку указательный палец. – Как только тебя Мария терпит? Боже, несчастная женщина! С кем она связала свою жизнь?!

– Так, друг, оставь в покое мою жену и занимайся своими прямыми обязанностями – лови бандитов и убийц. Поэтому сейчас давай-ка отправимся по намеченным адресам. Ближе к вечеру здесь встречаемся, прикидываем, что у нас есть, и идем докладывать Петру. Согласен?

– А у меня есть варианты? – притворно-обреченно спросил Стас.

Гуров, подвинув к себе телефон, снял трубку и набрал номер, не так давно раздобытый ему Амбаром, информатором в криминальной среде.

Несколько месяцев назад в одном из районов новостроек рухнул только что возведенный многоквартирный дом. К счастью, его заселить еще не успели из-за обычной волокиты с утверждением проекта водоснабжения и электропитания. Единственным пострадавшим оказался сторож, которого сбilo с ног и завалило волной мусора. Выяснить обстоятельства того происшествия Орлов поручил Гурову, поскольку имелись вполне обоснованные подозрения, что случившееся не просто следствие халатности строителей, пренебрегших СНиПом – своей строительной «библией». В принципе, этим происшествием должен был заниматься Отдел по борьбе с экономическими преступлениями, но в главке рассудили иначе. Тот же Петр Орлов предположил, что в процесс возведения дома вмешались криминальные структуры, которые могли еще на этапе проектирования в его конструкцию заложить некую структурную «мину», которая должна была сработать, если бы строительная компания вдруг отказывалась выполнить притязания мафиозо. Специалисты Госстройнадзора изучили проект около месяца, но ничего особенного в нем не обнаружили. Не вызвали подозрений и использованные при возведении стройматериалы. Поэтому все «концы» сошлись на прорабе, который и стал «козлом отпущения». Но Орлов, опасаясь, что подобные ЧП могут войти в систему и однажды повлечь человеческие жертвы, решил провести дополнительное расследование обрушения дома силами главка. Поэтому Гурову, как это случалось уже не раз, пришлось, «не доведя» до ума одно дело, впопыхах браться за другое.

Гуров тщательно изучил все обстоятельства происшествия, все партнерские и иные связи строительной фирмы. В процессе расследования его заинтересовала одна организация, которая и готовила проект злополучного дома. Причем выяснилось, что был и другой – первоначальный, уже утвержденный проект. Его создавал другой институт. Но в последний момент проект заменили. Стоимость возведения здания по новому проекту значительно удешевлялась за счет более низкой цены – и качества! – стройматериалов. Снижалась, соответственно, и прочность объекта. Это было довольно шокирующей новостью. Но и это не давало однозначного ответа на вопрос: дом рухнул сам или ему в этом «помогли»?

Гуров показал оба проекта одному из старейших московских архитекторов. Изучив их, тот высказался определенно: дублирующий проект имеет особую «точку напряжения», которую обнаружить практически невозможно. Этот участок здания, подобно "критической точке на бронестекле, являлся пересечением всех векторов внутренних напряжений, и поэтому даже незначительное по силе воздействие на эту точку могло привести к тому, что и произошло на самом деле.

После долгого разбора хитросплетений всякого рода темных и полутемных дел строительной фирмы Гурову наконец удалось выяснить, что между ней и проектной организацией существовало тайное соглашение о дележе средств, полученных от «экономии» при строительстве. Но проектная организация хотела забрать себе почти все, а это никак не входило в планы строителей. В итоге они отдали ровно столько, сколько сочли нужным. И дом рухнул.

Теперь причины случившегося были предельно ясны, и у мошенников появилась вполне реальная перспектива отправиться на нары. Но если директора и главного инженера строительной компании задержали без особых проблем, то проектная организация исчезла в мгновение ока. Ее руководитель и специалисты ударились в бег. Однако Гурову все же удалось выяснить, что за этим проектным бюро стоял известный криминальный авторитет Декан, по паспорту – Дукин Тимофей Егорович, который, собственно говоря, и был его хозяином.

По итогам расследования, проведенного Гуровым, Госстройнадзором были проверены все дома, возведенные той компанией, и почти у половины из них были выявлены «точки напряжения». Жизнь сотен людей висела на волоске. Декана нашли, но от ответственности он успешно отвертелся – он не значился ни в одном документе, свидетели «не помнили» ничего, за что можно было зацепить Дукина. Да и адвокаты его были не из последних. Поэтому, избежав суда, он тут же «залег», и даже номер его домашнего телефона был засекречен. Как созвониться с Деканом, знали лишь особо доверенные люди. Поэтому Амбару удалось его достать лишь через третьи руки.

После четвертого или пятого гудка вызова в трубке щелкнуло, и Гуров услышал сонный голос с хрипотцой:

– Да, я слушаю.

– Дукин Тимофей Егорович? – стараясь придать голосу нейтральные интонации, поинтересовался Гуров. – Говорит полковник Гуров, Главное следственное управление. У меня к вам дело. Надо бы встретиться.

– А-а... Откуда у вас мой телефон? – судя по всему, Декан был ошарашен.

– Получил в результате следственных мероприятий, – сухо вато прокомментировал Гуров. – Собственно говоря, это не столь важно. Гораздо важнее то, о чем я хотел бы побеседовать. Только не надо говорить про неотложные дела и головную боль, поскольку она действительно может появиться, если встретиться вы не захотите. Итак, готов услышать предложение – где и во сколько.

– Да... вам, Лев Иванович, если мне не изменяет память, отказать очень трудно, – обреченно констатировал Декан. – Хорошо, давайте увидимся через полчаса на.... бульваре у памятника.

– Постойте, так это, по-моему, одно из мест, где постоянно тусуются лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией? – поморщился Гуров.

– Там они уже больше не тусуются, – устало пояснил Декан. – С недавних пор это место облюбовали молодцы из некоего движения СРРР. Эти «голубых» вывели в два счета.

– Хорошо, договорились, – коротко ответил Гуров и положил трубку.

Прибыв на бульвар в назначенное время, Гуров подошел к памятнику и, бегло окинув взглядом кольцо скамеек, окружающих обширную клумбу, увидел Дукина – пожилого бодрячка с короткой стрижкой «ежиком», в солидном светлом костюме. В руках у него была какая-то аляповато-цветистая газетенка. Неподалеку от бодрячка со скучающим видом потягивали пиво из банок два толстошеих молодых человека. «С охраной заявился», – мысленно усмехнулся Гуров. Подойдя к бодрячку, он на некотором расстоянии от него опустился на скамейку и негромко поинтересовался:

– Что читаем, Тимофей Егорович?

Декан не спеша повернулся.

– А, Лев Иванович?! Вы подошли так бесшумно... Что читаю, спрашиваете? Да так... «Ночной бульвар».

– Известная газетенка. Кое-кто из моих знакомых называет ее «Ночным горшком» – за бездарную форму и довольно грязное содержание. Его редактор, некая Быстряева, – великий «скунс пера».

– Так вам с ней доводилось... пересекаться? – Декан с любопытством покосился в сторону Гурова и негромко хохотнул.

– Да, она как-то раз тиснула статейку о работе нашего отдела. Как раз в ту пору, когда я занимался расследованием обрушения дома. Пользуясь членским билетом Союза журналистов, пришла ко мне, задала уйму вопросов, а потом появилась статья, в которой все было поставлено с ног на голову.

– Не знаю... – Декан пожал плечами. – Я о ней мнения несколько иного. Мне ее газета импонирует. Здесь много объявлений...

– ...об оказании интимных услуг? – рассмеялся Гуров. – Да, насчет этого «Ночной бульвар» – впереди планеты всей. Мне думается, его фирменной эмблемой должен бы стать общеизвестный красный фонарь.

– Вы считаете Быстряеву бездарностью? – Декан Гурова как будто поддразнивал. – Мне кажется, она и как журналист талантлива, и как женщина довольно привлекательна.

– Да уж... – Гуров саркастически усмехнулся. – Кстати, я ведь уже тогда догадался, чьими «молитвами», выраженными в долларах, появилась та лживая статейка. Вы не догадываетесь, кто бы ее мог профинансировать?

– Ума не приложу – кто бы это действительно мог быть? – Декан картинно развел руками, но по его лицу было заметно, что он несколько встревожен и уже жалеет, что слишком уж углубился в эту довольно скользкую тему. – Но вы, я так понимаю, изъявили желание увидеться со мной не ради того, чтобы обсудить достоинства и недостатки упомянутого еженедельника?

– Само собой. – Гуров утвердительно кивнул. – Меня интересует, что вы знаете об убийстве предпринимателя, депутата Госдумы Германа Ритушина?

– Э-э-э... Как вы сказали? Герман Ритушин?.. – Декан тянул паузу, лихорадочно прикидывая, говорить ли по существу заданного вопроса или уйти в «несознанку», притворившись ничего не знающим. – Что-то вроде бы знакомое, но что...

– Послушайте-ка, Дукин, кончайте ваньку валять! – Типично эковская «дурковщина» Гурова всегда очень раздражала, и он, несколько вспыхив, жестко заговорил во весь голос: – Я приехал сюда говорить по делу, а не играть в жмурки.

Предположив, что разговор переходит в скандал, охранники начали медленно приподниматься со своей скамейки. Гуров, заметив это движение, повернулся к ним и коротко командовал:

– Сидеть! И не рыпаться. Вы, ребята, тут передо мной из себя рейнджеров не стройте. Не советую!

Декан встревоженно повернулся к своим и торопливо махнул им рукой, давая понять, что им и впрямь лучше не вмешиваться.

– Хорошо, хорошо, Лев Иванович, – уже другим тоном заговорил он, – я действительно лично с Ритушиным знаком не был. Да, в свое время я пытался... наладить с ним сотрудничество.

– Точнее говоря, взять его концерн под свой контроль? – усмехнувшись, уточнил Гуров.

– Ну, если вам больше нравится такая терминология... – Декан сокрушенно развел руками. – Но, вынужден признать, он был настоящий стратег. Его спецслужбы взяли мою, ныне почившую, фирму в такой переплет, что я, откровенно говоря, был не рад своей затее.

– Минувшей ночью его убили, – сообщил Гуров. – Что, если кто-то наподобие вашей «фирмы», вот так же попав в переплет, решил с ним разделаться?

– Вряд ли... – Декан с сомнением покачал головой. – Его спецы работали, опережая любого соперника на несколько ходов вперед. Они любой ход против концерна умели обернуть против того, кто рискнул на него покуситься.

– Но тем не менее его убили, – обронил Гуров.

– Но почему вы так уверены, что это обязательно следствие конфликта интересов между... скажем так, неофициальными структурами? – Декан досадливо поморщился. – Ведь большинство убийств чаще происходит на бытовой почве. Сейчас ведь жизнь-то какая?! Жены «заказывают» мужей, мужья – жен... Разве не так? Ритушин – человек богатый, конфликт внутри семьи – вещь вполне реальная.

– Отпадает. – Гуров коротко качнул головой.

– Лев Иванович, я не берусь уверять вас в голубиной кротости ребят, которые действуют в «бригадах», но это действительно – не их работа. Тут уж хотите верьте, хотите – нет. Другого я ничего сказать не могу... – кряхтя и задыхаясь, заговорил Декан, но вдруг где-то неподалеку послышался мерный топот ног, печатающих шаг, и хор мужских голосов, выкрикивающих какую-то речовку.

Гуров прислушался – джак! джак! джак! – где-то совсем рядом десятки подошв тяжелых ботинок били по асфальту под аккомпанемент мерного речитатива:

– Бей, молот! Бей, молот! Бей, молот! Бей, молот!

– Похоже, это они. – Декан кислотовато ухмыльнулся. – Новоявленные «буревестники революции». Лев Иванович, с вашего позволения – откланяюсь. Я, знаете ли, не любитель манифестаций. Тем более пролетарских. Чревато, знаете ли... Поэтому и вам советовал бы держаться от них подальше. Адью!

Он сделал охранникам знак рукой, и все трое быстро удалились. Гуров оглянулся и увидел движущуюся вдоль края тротуара колонну из сорока человек, идущих по четверо в ряд. На вид им было от пятнадцати до двадцати пяти. Одни по виду были еще совсем школьники, другие выглядели более зрело, как студенты старших курсов и молодые рабочие. Все без исключения «буревестники» были облачены в униформу цвета хаки и кепки в стиле «аля Че Гевара». У некоторых были отпущены бороды. Начищенные, плотно зашнурованные десантные берцы жестко впечатывались в пыльный асфальт, заставляя содрогаться все окружающее в радиусе полутора десятков метров.

– Бей, молот! Бей, молот! Бей, молот! Бей, молот! – зычно разносилось окрест.

На некотором расстоянии от колонны шли несколько милиционеров, один из которых что-то докладывал по рации. Гуров подошел к нему и, показав удостоверение, поинтересовался:

– Что за «молотобойцы»? Откуда они?

– Толком я и сам не в курсе дела, товарищ полковник. – Капитан пожал плечами. – Разрешение на прохождение колонной префектом подписано. Себя они заявили как военно-исторический клуб «Команданте Че», входящий в клуб «Хоругвь».

– И далеко они направляются?

– В заявке указан маршрут по этому бульвару от Садового кольца до парка. Там их должен ждать автобус. Ранее они тусовались у этого памятника. Выперли «голубых» и стали проводить свои то ли собрания, то ли митинги. С одной стороны, ребята они вроде правильные – ни пьяных, ни обкуренных среди них нет. Не безобразничают, порядок не нарушают. А с другой – черт его знает. Кто и для чего готовит этих «коммандос»? Это у них первое такое показательное прохождение. Говорят, теперь будут так маршировать еженедельно.

Вернувшись в управление, Гуров позвонил Амбару. Константин Бородин, судя по всему, в этот момент трапезничал, поскольку ответил причмокивая и подчавкивая:

– Але, когоит-то надо?

– Это я. Информация по Герману Ритушину.

– А-а-а... Дык это вы номерочком обшиблись... – хохотнул в трубку Амбар и дал отбой.

Во время последней встречи с Амбаром Гуров договорился с ним о новой системе обмена информацией. Если поручение предполагалось однозначным, не требующим долгих разъяснений и уточнений, Гуров передавал его по телефону одной фразой. Ну а коль в этот момент у Амбара оказывались гости, тот должен был ответить, что звонивший ошибся номером. Из сегодняшнего звонка Амбар должен был понять, что он срочно обязан выудить всю возможную информацию о гибели Германа Ритушина.

Стас почему-то задерживался, и Гуров решил позвонить судмедэксперту Дроздову, чтобы узнать о результатах вскрытия. По своей обычной привычке экая и хмыкая, Дроздов в общих чертах сообщил о том, что ему удалось «накопать» в ходе работы.

– Э-э... Внутренние органы в отличном состоянии, при таком здоровье он и сто лет прожил бы. А вот пулевые ранения... Э-э-э... Все до единого – смертельные. Выстрелы производились сзади, с расстояния семь-восемь метров. Всего выполнено три выстрела, в правое легкое, сердце и голову. Смерть наступила мгновенно. Судя по калибру и типу пули, был использован револьвер системы «кольт» с глушителем.

Положив трубку, Гуров взглянул на часы. Время приближалось к четырем, им предстояла масса бумажных дел, а Стас все не появлялся.

Глава 4

Отправляясь на задание, Станислав Крячко едва ли мог предположить, что ему, помимо обычных формальностей вроде опроса потенциальных свидетелей, доведется вести погоню за машиной каких-то странных и весьма подозрительных типов. Прибыв на улицу Льва Толстого, где в семиэтажном доме, некогда возведенном в стиле ампир, в своей городской квартире проживал Герман Ритушин, он первым делом разыскал обоих свидетелей. Это была супружеская чета пенсионеров, пребывающих в возрасте «божьих одуванчиков». Старики поздним вечером имели обыкновение выгуливать пуделя. Не изменили своей привычке и в тот раз.

– Мы только вышли из-за угла, – прижимая руки к груди, взволнованно говорила женщина, – как услышали несколько хлопков подряд. Тихих таких, как будто кто-то небрежно аплодировал. А от центрального подъезда в темноту метнулся мужчина во всем черном. Тут же загудел мотор, вспыхнули фары, и из-за детской площадки на улицу помчалась машина. Она свернула за угол и куда-то уехала.

– Да, а потом мы подошли к подъезду, а на ступеньках лежит человек без движения, ничком, – подхватил рассказ ее супруг. – Шагах в двух от него – другой, на спине, еще совсем молодой. У этого в правой руке был пистолет. Мы забежали на первый этаж к знакомым и вызвали от них милицию и «Скорую».

– А вот убежавший роста примерно был какого? – спросил его Крячко.

– Трудно судить, – ответила женщина. – Но, мне так кажется, немного выше вас.

В ходе дальнейшего разговора Стасу удалось выяснить лишь, что машина, в которой уехал киллер, выруливая со двора, свернула влево. Марку старики не смогли определить даже примерно.

– Ну уж, наверное, не «Запорожец» – тягостно вздохнул Крячко, понимая, что с такими свидетелями убийц можно будет искать целую вечность.

– Нет, нет, это был не «Запорожец»... – горячо закивали старики, довольные тем, что хоть что-то конкретное с их помощью сыщик смог выяснить.

– Тогда это меняет дело! – изобразив на лице удовлетворенность, воскликнул Крячко. – Раз замеченный вами автомобиль не «запор», вдобавок не «КамАЗ» и не «КрАЗ», то найти его труда не составит.

Сознавая важность возложенной на них миссии, супруги не поленились спуститься вниз и показать на местности, кто, где и в какой момент времени находился. Записав в блокнот полученные данные с указанием временных интервалов, Крячко поблагодарил своих преисполненных энтузиазма помощников и отправился по этажам опрашивать других жильцов дома. К его огорчению, во многих квартирах хозяев не оказалось дома, кое-кто не захотел выйти, невзирая даже на то, что Стас весьма активно сообщал о своей принадлежности к милиции и многозначительно подносил к дверным глазкам служебное удостоверение.

Тем не менее кое-что выяснить ему все же удалось. Последней из тех, кто возвращался домой минувшим вечером, оказалась бойкая продавщица, работающая в магазине, расположенном по соседству. Она пришла домой в двадцать три двадцать, то есть, как прикинул Крячко, всего за три минуты до нападения. Незнакомых людей у подъезда она не заметила, но чужую темно-зеленую «десятку», которая пряталась за детской площадкой в тени тополей, разглядела вполне. Правда, на номер машины не обратила никакого внимания. Еще один пенсионер за два дня до происшествия заметил у дома подозрительного незнакомца. Несмотря на возраст, старик оказался достаточно внимательным и незнакомца запомнил хорошо. Стас договорился с ним о том, что тот подъедет в управление для составления фоторобота. Донельзя довольный достигнутым, он решил на всякий случай обойти и оставшиеся

квартиры. В первых двух ему не открыли, сообщив через дверь, что ничего не знают и знать не желают. В следующих трех открыли, но помочь ничем не смогли.

В последней, на первом этаже, Стас чутким ухом сыщика уловил за дверью какое-то непонятное движение. «Ага! – возликовал он. – Дома, голубчики!» Он решительно нажал на кнопку звонка, однако, вопреки его ожиданиям, дверь ему не только не открыли, но почему-то даже не захотели подойти к дверному глазку. Более того – жильцы затаились и перестали подавать какие бы то ни было признаки жизни. Крячко сразу же заподозрил, что жильцы этой квартиры, несомненно, что-то знают. И знают именно то, что его интересует. Но, будучи по своей природе трусоватыми, информацией поделиться не хотят.

Но Стас не собирался отступать. Он прижал палец к кнопке и минут пять стоял, вникая в бесконечному «д-з-з-з...», доносящемуся из-за двери. Когда и это не подействовало, он принялся методично молотить кулаком в надежде, что хозяева все же испугаются и начнут грозить вызовом милиции. Увы, жильцы были либо безнадежно глухими, либо информация, каковой они располагали, имела особую ценность, и делиться ею они не хотели ни с кем.

Пришлось пустить в ход свое красноречие:

– Эй, кто есть дома – выходите! Чего затаились? Я знаю, что вы там. Что, надеетесь отсидеться? Так я и до завтра подожду!

К удивлению Стаса, именно последняя фраза и оказалась тем волшебным «Сезам, откройся!», которая заставила хозяев квартиры задвигаться, зашаркать, заходить. Замок наконец щелкнул, и в приоткрывшейся двери, удерживаемой цепочкой, Крячко увидел встревоженное, даже напуганное лицо молодого мужчины в легком спортивном костюме, с коротко стриженными темными волосами и толстым носом.

– Простите, вам кого? – заикаясь, поинтересовался парень.

– Уголовный розыск! – сурово рявкнул Стас, с внутренним удовлетворением отметив, что хозяин квартиры при этих словах несколько побледнел и буквально затрепетал. – Меня интересует все, что вы можете сказать об убийстве вашего соседа по подъезду Германа Ритушина. Когда вы видели его в последний раз?

– У... Это давно... – заикаясь, сообщил мужчина, испуганно хлопая глазами. – Я здесь сейчас бываю нечасто – живу на даче... Вот и сейчас собираюсь туда. Об убийстве и о самом убийце не знаю вообще ничего...

Внутренне чертыхнувшись, Стас вышел из подъезда, но уходить не торопился. Присев на лавочку за кустами, он стал наблюдать за входной дверью. Долго ждать не пришлось. Минут через пять из него и в самом деле вышел тот самый тип с двумя большими, тяжело нагруженными сумками. Озираясь, он прошмыгнул к припаркованной неподалеку «шестерке» и, поставив сумки в багажник, быстро запрыгнул на пассажирское место. Загудел мотор, машина с излишней торопливостью ринулась прочь со двора. «Выходит, его ждали, – усмехнулся Стас. – Ну что ж, голуби, от меня далеко не улетите!» Он сунул руку в карман и похолодел – ключа зажигания от его «мерина» на месте не оказалось! Опрометью он выскочил на дорогу, едва не угодив под колеса серого «Форда», несшегося по улице с огромной скоростью.

– Ты что, совсем охренел?! – со скрежетом затормозив, из кабины выглянула молодая шатенка в темных очках.

– Главное следственное управление! Срочно вон за той машиной! – скороговоркой протараторил Крячко, запрыгнув в «Форд» и торопливо показав свое удостоверение. – «Шестерка», белого цвета, госномер – У два два два ОС. Побейте!

– О'кей! – Лихо взяв с места, шатенка задорно улыбнулась. – Догоним без проблем. А за кем хоть гонимся-то?

– Подозреваемые в причастности к убийству предпринимателя, – сухо вато пояснил Крячко, пристально глядя вслед «шестерке», бегущей впереди в плотном потоке машин.

– Ну-у! – хозяйка «Форда» понимающе кивнула. – Тогда вопросов нет. Ради коллеги можно и тачкой рискнуть.

Мастерски лавируя в потоке машин, она постепенно начала достигать подозрительную «шестерку» и вскоре, что называется, повисла у нее на хвосте.

– Слишком к ней не приближайтесь, – предупредил Стас. – Они не должны догадаться о преследовании. Пусть доведут до своего логова. Вот для них это будет сюрприз.

– Но не исключено, что они вооружены! – встревожилась автоледи, покосившись в сторону Крячко.

– Конечно, не исключено. И, скорее всего, они не с рогатками. Ничего, не впервой!.. – Стас уже немного отошел от первоначальной горячки и теперь мог немного поиграть в супермена. – И не таких брали за жабры.

Он почувствовал, что хозяйке машины приглянулся, и начал потихоньку распускать перед ней хвост. Автоледи, весьма недурная особа, тоже по ходу этой не вполне обычной поездки пустила в дело всякого рода маленькие женские хитрости, чтобы казаться еще более привлекательной. Стоит отметить, ей это удалось без особого труда.

Минут через двадцать погони, больше напоминающей прогулку, ничего не подозревающие хозяева «шестерки» зарулили в тихий переулочек и остановились у старой пятиэтажки. Озираясь, из машины выбрался недавний собеседник Стаса и, вытащив из багажника сумки, метнулся в подъезд, а машина, тут же сорвавшись с места, помчалась дальше.

– Жди здесь! Буду брать, – щелкнув предохранителем, Стас метнулся к подъезду.

В несколько секунд преодолев три лестничных пролета, Крячко настиг преследуемого на площадке между вторым и третьим этажами. Тот, оглянувшись, испуганно шарахнулся в угол. Увидев направленный в его сторону ствол пистолета, выронил сумки и поднял руки вверх.

– Не двигаться! – гаркнул Крячко, хотя тот и так стоял не шелохнувшись, глядя в его сторону. – Так, говоришь, собрался на дачу?

– В чем дело? Что вы себе позволяете?! – наконец опомнился парень и решил запротестовать: – На каком основании вы меня задерживаете?

– На основании того, что вы подозреваетесь в убийстве гражданина Ритушина. Это понятно? – Стас буквально сверлил испепеляющим взором несчастного дачника.

– Чего? – выпучив глаза, возопил тот. – Ты че, начальник? Охренел, в натуре?! У меня алиби!

– Алиби?! – Крячко зловеще усмехнулся. – Не беда. Его недолго и проверить. Сейчас поедешь со мной, и мы в одной уютной конторе будем очень мило и предметно беседовать. И я в момент докажу, что ты – соучастник убийства крупного предпринимателя, депутата Госдумы, лидера политической партии Германа Ритушина. Усек?

– Все, начальник, все! Твоя взяла – колюсь. В общем, чистосердечно признаюсь в квартирной краже и раскаиваюсь в содеянном. Вот, взятое из той квартиры барахло, все в целости и сохранности. Как в швейцарском банке. Так что готов по данному делу ответить на любые вопросы. Что касается этого... Ритушина, что ль? Тут я никаким боком. Этого мне шить не надо – я не мокрушник!

– Мать твою!.. – Стас был бесконечно разочарован. – Бери узлы и марш на выход. Туды т-твою растуды!..

Его недавние мечты одним махом раскрыть громкое преступление и утереть нос генералу Орлову вмиг обратились в прах. А ведь как здорово мечталось – громкие статьи в газетах, телеинтервью, премия в миллион долларов (с Левого и Петром он бы обязательно поделился – Стас жлобом отродясь не был)... А там, глядишь, и погоны генерал-майора уже не за горами...

Пихнув на заднее сиденье домушника и закинув в багажник «Форда» сумки, поскучневший и скисший Крячко плюхнулся на свое место. Автоледи, наблюдавшая за ним, встревоженно поинтересовалась:

– Он без наручников? Это не опасно?

– Руки давай сюда! – тяжело вздохнув, скомандовал Стас и с громким щелчком сковал запястья домушника браслетами наручников.

– Вы такой невеселый... – заботливо прошептала хозяйка «Форда», восхищенно наблюдая за Крячко. – Что-то произошло?

– Увы!.. – Стас сокрушенно хлопнул себя ладонями по коленям. – Обмишурился малость. Думал, что беру крупную акулу, а оказалось, мелкую пиранию. Вор-домушник. За такого разве что устную благодарность по управлению объявят. Тьфу! Это все равно что охотнику-волчатнику поймать суслика.

– Домушник?! – Автоледи пристально посмотрела на задержанного и даже сняла темные очки. – А по-моему, вас, простите, Станислав зовут? Меня – Женя. Так вот, Станислав, не знаю, как для вас, а для меня ваш задержанный – большущая удача. Поясню. На днях приезжаем мы с сестрой к ней на Плющиху и сталкиваемся в подъезде вот с этим типом. Я почему его запомнила? Он выносил такие же набитые сумки. Вежливо так посторонился... Сразу мы ничего и не заметили. А потом вечером она звонит, плачет – из квартиры украдено старинное столовое серебро – подарок ее свекрови, все украшения и пятьдесят тысяч долларов наличными, а еще две шубы, платья, костюмы. Вот так-то, морда твоя бесстыжая! Попался! Куда дел краденое? Отвечай!

– Здесь, у меня в квартире припрятано, – неохотно процедил домушник. – Барахло в целости, а вот баксов половину Витька забрал. Ну, тот, что вез меня на «жиге». Если на казино и телок не потратил – получите назад.

– Тогда пошли за тем, что здесь лежит. – Женя взялась за ручку дверцы, но Стас ее остановил.

– Женечка, не все так быстро, – пояснил он. – Сейчас лучше поступить иначе. Позвоните сестре, и пусть она подъедет к здешнему райотделу. Мы этого типчика туда определим. А после проведения следственных мероприятий и необходимых формальностей она сможет получить обратно свои вещи.

– Тогда вперед! – Женя водрузила очки на нос, и «Форд» вновь помчался по тихой, малолюдной улочке.

Когда Стас и Женя, покончив со всеми формальностями, вновь подошли к ее машине, она неожиданно поинтересовалась:

– Станислав, а как у вас со временем?

– В избытке! – соврал Стас, которому на самом деле пора было отправляться в управление – приближалось время доклада Орлову. Но сладкое томление, угнездившееся в душе, вынудило его ответить на вопрос молодой красивой дамы именно так.

– Тогда есть предложение: отметить сегодняшнее событие. У меня дома залежался замечательный коньяк. Вы не против?

Стоило ли задавать Стасу подобный вопрос? Он решительно распахнул дверцу кабины и, ощущая приятнейшую истому, опустился на пассажирское кресло...

Перебрав в уме все известные метафоры и эпитеты, уместные в данной ситуации, и мысленно адресовав их Стасу, Гуров направился к двери кабинета, чтобы в одиночку идти с докладом к Орлову, как неожиданно на пороге появился Стас, весь взъерошенный и взмыленный, словно за ним только что гналась свора собак. После секундной заминки, сопровождаемой безмолвными «гляделками», Гуров первым нарушил молчание:

– Ку-ку! – с долей сарказма произнес он, пощелкав пальцами справа и слева от лица Стаса, как это имеют обыкновение проделывать психиатры.

– И-го-го! – в тон ему ответил Крячко, уперев руки в бока. – Что смотришь? Устал я, как лошадь. На месте происшествия побывал, свидетелей опросил, нашел еще двоих. Завтра будем иметь фоторобот подозреваемого.

– А-а-а... – Гуров чуть заметно улыбнулся. – Молодец. Это уже что-то существенное.

Раздался телефонный звонок. Гуров поднял трубку. Звонила Валентина.

– Лев Иванович? – По голосу Валентины чувствовалось, что она чем-то очень недовольна. – Происходит что-то непонятное. Гришкаев опять оказался занят, зря прождала его больше часа. Ну а члены исполкома разъехались по служебным командировкам. В общем, день у меня сегодня впустую.

– Ну почему же впустую? – Гуров старался говорить ободряюще. – То, что внутри «Правого дела» не вполне здоровая обстановка, уже о чем-то говорит. Нам тут кое-что удалось накопать, но это не телефонный разговор. Завтра сюда подъехать сможете? Вот и замечательно. К тому же, возможно, к утру появится еще что-нибудь.

– Расстроена? – Стас сочувственно покачал головой.

– Сочувствуешь? – хитро прищурился Гуров.

– Сочувствую, – согласился Крячко. – Между прочим, сегодня я познакомился с такой... Гм... Гм... Ладно, об этом как-нибудь потом.

– Нет, нет. – Гуров категорично замахал руками. – Ты давай выкладывай.

Мысленно кляня себя за несдержанность, Крячко без особого энтузиазма поведал о своем заблуждении, когда вел погоню за домушником, считая того соучастником убийства. О том, как здорово ему помогла Женья и как они препроводили в тамошний райотдел задержанного вора, как совершенно неожиданно пропавший ключ нашелся в заднем кармане брюк...

– Так это же великолепно! – Гуров вполне искренне восхитился подвигами своего приятеля. – Задержание домушника – уже есть что Петру доложить. Но я так понял, на этом твои приключения не закончились?

– Это точно. – Стас сконфуженно ухмыльнулся. – Поехали домой к Жене. Дураку понятно, что не в ладушки играть. Ну у нее там обстановочка – будь здоров! Кругом – хрусталь, кругом – ковры... Мебель – супер-пупер. Предложила выпить хорошего коньячку за знакомство и успех. Ну я разве против? Внутри все уже и так прыгает от предощущения грядущих незабываемых мгновений. Да и она сама, гляжу, раскраснелась, глаза блестят... Сажу я в зале, а мыслями – уже в спальне, и тут нежданно-негаданно из прихожей доносится громкое: ж-ж-ж-ж... Я как тот Винни Пух сразу же смекнул, что это «ж-ж-ж» – неспроста. Кстати, когда ехали, я еще поинтересовался – мол, ты одна? Она засмеялась и ответила, что в принципе совсем одна. А тут вылетает из кухни и объявляет: «Мужа черти принесли! И что ему, козлу, со своими шлюхами в Крыму не отдыхалось? Значит, так: ты у меня по поводу той кражи. Уточняешь детали. Что, первый раз так залетел? Не робей, все – о'кей!» Чмокнула меня и пошла открывать. Слышу из прихожей их голоса. Муж заходит – амбал два на два, меня благодарит, руку жмет. Ну я для виду несколько формальных вопросов задал – и ходу. Вот такая грустная история.

– Ну, Стас! Ну, Дон Жуан Казанович! – Гуров рассмеялся. – Значит, ты сегодня на личном опыте убедился, что бывают не только неправильные пчелы, которые делают неправильный мед, но и неправильные мужья, которые неправильно приезжают из отпуска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.